

Университет и политика:
к 300-летию Санкт-Петербургского
государственного университета

УДК 322.2

**ПОЛИТОЛОГИЯ ВУДРО ВИЛЬСОНА В КОНТЕКСТЕ
ЭВОЛЮЦИИ АМЕРИКАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ:
АНАЛИТИКА СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ***

В. А. Гуторов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Томас Вудро Вильсон — 28-й президент США, занимавший этот пост с 1913 по 1921 г., широко известен прежде всего как политический лидер мирового масштаба, игравший одну из главных ролей в формировании нового, предельно конфликтного международного порядка, который возник после Первой мировой войны. В современной историографии, например, подробно исследуется послевоенная внешняя политика Вильсона, связанная с попытками реализации его знаменитых «Четырнадцать пунктов», созданием Лиги Наций и др. На фоне драматических коллизий послевоенной мировой политики как бы в тени остается тот хорошо известный лишь узким специалистам факт, что Вильсон был одним из самых влиятельных политологов, историков и теоретиков университетского образования своего времени. Его влияние до сих пор постоянно ощущается в современных концепциях реформ американской высшей школы. Административная деятельность В. Вильсона проходила на завершающем этапе процесса, результатом которого стала радикальная трансформация высшего образования в США. Устойчивое представление, согласно которому основные контуры реформ университетского образования в Принстоне, инициированных В. Вильсоном, были достаточно четко обозначены уже в его теоретических работах, никогда не вызывало сомнений в научном мире. В основе вильсоновских реформ лежала идея, согласно которой университет следует рассматривать как образцовый пример такой формы сообщества, которая, даже находясь в самом центре современного общества, способна сохранять свои отличительные черты. Идеи и политика Вильсона в области университетского образования продолжают активно влиять на современные теоретические дискуссии, их «стимулирующий эффект» — непосредственное свидетельство того, что они по-прежнему выдержали проверку временем, в том числе и потому, что были далеко не умозрительными и никогда не теряли связи ни с мировой исторической традицией, ни с реальным миром политики.

Ключевые слова: Вудро Вильсон, университет, образование, государство, политика, реформа, политическая теория, демократия, бюрократия, управление.

Томас Вудро Вильсон (1856–1924) — 28-й президент США, занимавший этот пост с 1913 по 1921 г., широко известен прежде всего как политический лидер

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01601, <https://rscf.ru/project/23-28-01601/>.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

мирового масштаба, игравший одну из главных ролей в формировании нового, предельно конфликтного международного порядка, который возник после Первой мировой войны. В современной историографии, например, подробно исследуется послевоенная внешняя политика Вильсона, связанная с попытками реализации его знаменитых «Четырнадцати пунктов», созданием Лиги Наций и многими другими его инициативами. На фоне драматических коллизий послевоенной мировой политики как бы в тени остается тот хорошо известный лишь узким специалистам факт, что Вильсон был одним из самых влиятельных политологов, историков и теоретиков университетского образования своего времени. Его влияние до сих пор постоянно ощущается в современных дискуссиях вокруг реформ американской высшей школы.

В 1910 г., незадолго до того, как занять высший государственный пост, он был избран президентом Американской ассоциации политической науки (APSA), а в 1924 г., уже находясь в отставке, — президентом Американской исторической ассоциации (АНА) (см.: [Axtel, 2012a, 1 sq.]). Как отмечает Джон Милтон Купер, автор одной из лучших биографий американского ученого и государственного деятеля, «Вудро Вильсон остается единственным президентом США, поднявшимся на самую вершину в профессии, не связанной непосредственно с публичной жизнью. Фактически он поднялся на вершину двух частных родов деятельности. Он стал одним из самых ведущих ученых своего времени, которые когда-либо появлялись в любой области знания, и до сих пор входит в небольшой кружок — немногим больше чем горстка — действительно великих политологов, которых произвела Америка. Он также стал выдающимся лидером в области образования своей эпохи и до сих пор входит в еще один небольшой кружок — опять-таки, немногим больше чем горстка — действительно великих ректоров университетов, которых произвела Америка. Эта личная академическая прелюдия к политической карьере Вильсона породила множество вопросов и споров: ученые и литераторы разного рода тщательно изучают его жизнь в качестве профессора и руководителя университета в поисках ключей к разгадке его продуктивной деятельности на президентском посту» [Cooper, 2012, p. 169; Cooper, 2009, passim].

Сам Вильсон призывал последующие поколения не уделять слишком много внимания его политической карьере. Всего за несколько недель до своей смерти он сказал Реймонду Фоздику, бывшему студенту и сотруднику Совета по общему образованию фонда Рокфеллера, что он отдает себе полный отчет в том, что «его вклад в развитие своего поколения — если он действительно что-либо сделал — был связан не столько с его политической деятельностью, сколько с деятельностью в качестве учителя и университетского администратора» [Axtel, 2012a, p. 2]. Парадокс, однако, состоит в том, что приведенные выше слова Вильсона можно вполне считать «сиюминутными», вызванными спорадическим перепадом настроения. В молодые годы будущий президент думал иначе. Об этом, например, свидетельствуют его слова, сказанные своей невесте Эллен Аксон сразу после поступления в Университет Джона Хопкинса (1883): «Профессия, которую я выбрал, была политика; профессия, на стезю которой я вступил, была юриспруденция. Я стал заниматься одной професси-

ей, потому что думал, что она приведет меня к другой» (цит. по: [Cooper, 2012, p. 170]). Комментируя эти слова, Д. М. Купер вполне справедливо отмечает: «И все же Вильсон стал более отстраненным ученым, чем планировал. Вместо парapolитической карьеры, о которой он рассказал Эллен, его увлекло преподавание и написание статей на научные и неполитические темы, и он редко комментировал текущую политику и дебаты. Его первая и лучшая книга “Правительство Конгресса”, опубликованная в 1885 г., содержала резкую критику законодательной власти и считала ее нуждающейся в реформе. Но это скорее был аналитический труд, чем предписание» [Cooper, 2012, p. 171] (ср.: [Throntveit, 2012, p. 207]).

Выводы Купера, разумеется, не разрешают парадокса «политика, испытывающего неприязнь к своей профессии». Попытка хоть как-нибудь объяснить этот парадокс встречается в книге Кларка Керра «Великая трансформация в высшем образовании»: «Вудро Вильсон как-то заметил, что он больше ничего не узнал о политике после того, как покинул Принстон, и он не любил политику» [Kerr, 1991, p. 224]. Перед нами очевидная загадка, которая, по-видимому, не может быть разгадана на индивидуальном уровне. Так или иначе, «отчетливая дифференциация между академическим политическим мыслителем и активным политиком была важна для самого Вильсона. Различия между этими двумя ролями имеют решающее значение, если мы хотим сфокусировать внимание на вкладе Вильсона в американскую политическую мысль, а не на его месте в истории американской политики» [Thorsen, 2014, p. IX].

В конце 1990-х годов Джон Г. Ганнелл — известный американский политический теоретик и специалист в области истории и философии образования — выдвинул в работе «Порядки дискурса» весьма плодотворную, на наш взгляд, гипотезу, согласно которой многие специфические аспекты американского политического дискурса, в том числе и парадоксальные моменты позиции Вудро Вильсона, могут быть адекватно поняты только в результате всестороннего анализа взаимодействия политики и Университета на различных этапах эволюции последнего: «Отношения между политикой и дисциплинарной или дисциплинизированной политической наукой и политической теорией с последней четверти девятнадцатого века до настоящего времени — это вопрос, который нелегко поддается анализу с точки зрения абстрактных философских утверждений о теории и практике. В конечном итоге... наиболее важным вопросом является отношение между университетом и политикой. То, что можно сказать об этом в целом, будет более или менее равнозначно следующему наблюдению: в университет просачивается совсем немного политики, но совсем мало университетского просачивается в политику. В академической сфере многое из того, что мы можем рассматривать как представление о социальных и политических силах в обществе, является не столько катализатором таких сил, сколько реакцией на них. Однако то, как именно складываются отношения между высшей школой и политикой, во многом зависит от положения современного университета в отдельно взятых обществах. Мы часто не осознаем, насколько современная политическая теория несет генетический отпечаток своего происхождения в девятнадцатом веке и последующей эволюции. Социальные науки возникли

как суррогат религии и моральной философии, а насаждение немецкой философии дополнило и усилило эту перспективу» [Gunnell, 1998, p. 215]. Следуя сформулированному Ганнеллом методологическому правилу, необходимо кратко обозначить основные этапы академической карьеры Вудро Вильсона, а также того, что можно назвать его «университетской политологией».

Исходным моментом академической карьеры Вильсона был учеба в колледже Нью-Джерси (с осени 1875 г.). В 1896 г. к 150-летию со дня основания решением попечительского совета колледж Нью-Джерси был переименован в Принстонский университет. После окончания колледжа осенью 1879 г. Вильсон поступил в юридическую школу Виргинского университета. По завершении обучения, сдав экзамен на адвоката, он вместе с школьным другом открыл юридическую контору в Атланте, штат Джорджия. Однако их бизнес не процветал, в основном потому, что в Атланте уже было много юристов. Вильсон предпочел продолжить обучение, твердо решив стать профессором университета. Именно с этой целью он записался на докторскую программу по истории в Университете Джона Хопкинса. Весной 1885 г., после двухлетнего обучения, он уехал, чтобы устроиться преподавателем и написать диссертацию. К этому времени была уже опубликована и получила очень положительные отзывы его книга «Правительство Конгресса» (впоследствии книга была удостоена специальной премии Университета Джонса Хопкинса). Вильсон устроился преподавателем в новый женский колледж Брин-Мор, недалеко от Филадельфии. Как отмечает Э. Гейнз в своей биографии Вильсона, «согласно университетским правилам, Вудро Вильсон после того, как он закончил писать диссертацию, должен был вернуться в Университет Джона Хопкинса, чтобы сдать устные экзамены, прежде чем ему была бы присуждена докторская степень. Весной 1886 г. он написал своим профессорам, жалуясь, что он «всегда производит неприглядное впечатление» в таких ситуациях, становясь нервным и косноязычным. Профессора согласились сделать для него исключение, поэтому он сдал пять письменных экзаменов, а затем принял участие в «собеседовании», на котором он обсудил свою работу... Очевидно, ему сопутствовала удача, потому что университет присвоил ему докторскую степень. Он стал *доктором Вильсоном*... Проработав два года в Брин-Мор, он получил предложение занять новую должность в другом колледже университета Уэзли. Он согласился отчасти потому, что Уэзли платил больше, а также потому, что он будет учить мужчин» [Gaines, 2004, p. 34–35].

В Уэзли Вильсон преподавал историю с 1888 по 1890 г. Его мечтой было вернуться в альма-матер — Колледж Нью-Джерси, чтобы преподавать публичное право. Один из друзей познакомил его с тогдашним президентом колледжа Франсисом Л. Паттоном. Паттон пообещал, что, если Вильсон первоначально займет должность профессора политэкономии, позднее для него будет специально создана кафедра публичного права. В феврале 1890 г. колледж отправил ему сообщение, что он может получить почти то, чего он желал: ему предлагали должность преподавателя юриспруденции и политической экономии. Осенью 1890 г. Вильсон стал профессором колледжа Нью-Джерси и оставался на этой должности в течение десяти лет. В первый год он вел один конкретный класс, в котором было 150 учеников. Десять лет спустя в этом классе было более 300 студентов.

К концу 1890-х годов многие студенты и выпускники Принстона были по разным причинам недовольны Паттоном и в конечном итоге добились того, что в 1902 г. он получил письмо с просьбой уйти в отставку. Тот согласился и предложил Вудро Вильсону занять его место. В тот же день, когда совет попечителей принял отставку Паттона, был назначен комитет для выбора его преемника. Инаугурация Вильсона на посту президента Принстонского университета состоялась в конце октября 1902 г. Среди присутствовавших по этому случаю были Гровер Кливленд, Теодор Рузвельт, Дж.П.Морган, Марк Твен и Букер Т. Вашингтон (см.: [Gaines, 2004, p. 35–41]).

Все обозначенные выше события, безусловно, имели символическое значение в том смысле, что они отражали общие тенденции эпохи, которые современные историки называют «эрой прогрессивизма». Ее основную тенденцию часто определяют как «всеобщее движение за реформы... направленное на то, чтобы сделать управление — муниципальное, государственное или национальное — более демократичным и более эффективным» [Hugh-Jones, 1962, p. 57]. Хотя некоторые американские историки (Ф.Макдональд и др.) отмечают, что прогрессивизм в действительности представлял собой множество движений, имевших различные цели и постоянно вступавших в конфликт друг с другом, их радикальная реформаторская направленность обычно не подвергается сомнению, равно как и представление о том, что на рубеже XIX–XX вв. и вплоть до начала Первой мировой войны, прогрессивизм доминировал в американской политической жизни (см.: [McDonald, 1970, p. 61; Mahoney, 2004, p. 47; Marini, Masugi, 2005, p. 7–14; Pestritto, 2021; Pestritto, Atto, 2008, p. 1–34; Pestritto, 2005, p. 187–188, 259; Gunnell, 2004, p. 19 sq.; Crick, 1959, p. 81; Adcock, 2014, p. 227]).

В области «чистой мысли» общая идеологическая направленность «прогрессивной революции» сегодня определяется как серия попыток «объяснить глубокую трансформацию в теории и практике американского правительства, которая происходила на всем протяжении двадцатого века. Эту трансформацию — наследие прогрессивизма — невозможно понять без некоторого общего осознания политической и интеллектуальной традиции, которую он стремился заменить. Прогрессивные реформаторы, каким бы разнообразием ни обладали их ряды, были едины в своей оппозиции политической теории “отцов-основателей” Америки. Эта оппозиция повлекла за собой отказ от философской традиции естественного права и ограниченного правительства. Традиция естественного права была коренным образом преобразована принятием философии истории, кульминацией которой стало слияние теории и практики, воплощенное в гегелевской идее государства. Государство должно было восстановить политическое целое, которое призвано воссоединить социальное и политическое, публичное и частное, сделав гражданство основой свободы и добродетели. Прогрессивные теоретики стремились воссоздать различные черты классического полиса, давно вытесненного христианством и современной политической философией. Прогрессивизм требовал не меньше чем политического решения человеческой проблемы, в рамках которого самоочевидное превосходство науки избавляет от необходимости метафизики и религии. Следовательно, целью государства и его рациональной бюрократии является

решение всех экономических, социальных и политических проблем. Из этого следует, что власть правительства должна быть неограниченной. По мнению американских “отцов-основателей”, сама природа наложила ограничения на власть, которую можно безопасно доверить людям: люди не ангелы; они скорее “созданы равными”. Поэтому власть и возможности правительства должны быть ограничены, а его основной целью должна быть защита прав личности. Прогрессивисты, напротив, отрицая эти постоянные характеристики человеческой природы, настаивали на том, что преобразование общества приведет к изменению самого человека. По их мнению, в конце истории или же когда будет построено демократическое общество, власть правительства уже не может быть ограничена. Действительно, в рациональном, или административном, государстве цель управления состоит в том, чтобы решить любую человеческую проблему с помощью правительства и его бюрократии. Более того, тот вид организованного интеллекта, который необходим для решения политических, социальных и экономических проблем общества, возникнет в рамках исследовательского университета в созданных заново дисциплинах социальной науки» [Marini, Masugi, 2005, p. 7].

Административная деятельность В. Вильсона проходила на завершающем этапе процесса, результатом которого стала радикальная трансформация высшего образования в США. В Америке до Гражданской войны не существовало университетов в современном понимании. Как отмечает Д. М. Риччи, «даже те учреждения, которые носили это название, на самом деле были в основном небольшими и сектантскими колледжами, в которых было не более шестидесяти преподавателей и, возможно, от пятидесяти до ста студентов. К 1860 г. в сельской местности были разбросаны около двухсот таких школ. Большинство из них напоминали самые ранние американские колледжи, такие как Гарвард, Принстон, Колумбия, Уильям и Мэри, Дартмут. Все они были основаны для обеспечения достаточного количества благочестивых религиозных служителей. Что наиболее важно, каждый колледж всесторонне отражал мировоззрение его основателей в тех вопросах, по которым те приходили к согласию. В знак уважения к ним преподаватели работали, формируя своих студентов. Тем самым предельно ясно проявлялось чувство общности целей, например, когда один летописец описывал первые дни Оберлинского колледжа, основанного в 1833 году: “Школа должна была быть окружена христианской общиной, объединенной верой в Евангелие и самоотверженными усилиями по ее созданию и развитию”» [Ricci, 1984, p. 30].

По мнению некоторых современных специалистов, именно в последние три десятилетия XIX в. американское высшее образование стремительно развивалось в рамках нескольких революционных по содержанию и внешне противоречащих друг другу процессов. Приоритетную роль играла «академическая революция», которая объединила американских ученых, получивших международное образование, в «дисциплинарные сообщества» с целью дальнейшего продвижения знания [Geiger, 2015, p. X]. Создание Ассоциации американских университетов в 1900 г. означало, что «исследовательские университеты» (the research universities) превратились в автономную группу в структуре американ-

ского высшего образования. Вместе с тем само понятие «исследовательский университет» воспринималось как «излишнее», основными целями «настоящего университета» считались высшее образование, последипломное образование и продвижение знаний посредством исследований (см.: [Geiger, 1986, passim]).

К тому моменту, когда Вудро Вильсон стал ректором Принстонского университета и инициировал серию реформ, направленных на изменение структуры преподавания социально-политических наук (humanities) и создание соответствующих организационных и материальных предпосылок, в академических кругах США стали окончательно складываться довольно четкие теоретические представления относительно роли университета в формировании основных параметров восприятия и интерпретации научной, дидактической и организационной специфики анализа политики как социального феномена. Согласно весьма точному определению Д. Фарра, в наступившую новую эпоху «демократизация политики и онаучивание (scientization) знания — две силы современности, объясняющие формирование и трансформацию социальных наук в целом. Но эти силы особенно важны для понимания “новой” политической науки, учитывая их сознательную проблематизацию теми, кто именовали себя “политологами”. Среди зарождавшихся социальных дисциплин политологи были уникальным явлением, поскольку они использовали слово “наука” в выбранном ими самими обозначении и сделали политику демократической эпохи своим главным предметом исследования и фундаментальной проблемой. Подобно Токвилю, они демонстрировали значительную двойственность в отношении понимания демократии и того, что следует делать с ее формой и ее прогрессом. Демократию нужно объяснить и понять. Но ей также следует обучать. Поскольку граждане стремятся к улучшениям, администраторы нуждаются в обучении, а чиновники — в искусстве управления государством. Немецкий университет трансформировал научное образование посредством исследований и специализации, даровав профессорам культурный престиж и политический авторитет. Ему подражали начинающие политологи в США в университетах Джона Хопкинса и Колумбийского университета, где сформировалась дисциплинарная инфраструктура. Университет Хопкинса создал первую Ассоциацию политических наук (1877), а Колумбийский — первую аспирантуру в области политических наук (1880). Эти университеты также начали публиковать первые журналы по дисциплине: *Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science* и *Political Science Quarterly*» [Farr, 2003, p. 306–307]¹.

---

¹ Разумеется, изучение политики никогда не исключалось из американских колледжей и университетов. Профессора и так называемые кафедры политических наук отсутствовали, но анализ политической проблематики лежал в основе многих программ. Политика была предметом курсов по истории, литературе, праву или моральной философии. Однако только в 1857 г. Колумбийский колледж назначил первого в Америке профессора политологии Франсиса Либера. И только в 1880 г. преемник Либера, Джон У. Берджесс, основал аспирантуру по политическим наукам в Колумбийском университете. Как отмечает Д. Махоуни, одной из причин резкого возрастания интереса к политическим наукам стала Гражданская война — «великая национальная травма», «выдвинувшая политические вопросы на передний план общественного

В начале XX в. политологические отделения появились в ряде государственных университетов, в том числе в университетах Калифорнии (1903), Иллинойса (1904), Висконсина (1904), Мичигана (1911), Миннесоты (1915) и Канзаса (1917), а также в некоторых частных университетах, например в Северо-Западном (1915) и Стэнфордском (1919). Гарвардский университет учредил должность профессора политических наук [Farr, 2003, p. 311]. Американская ассоциация политических наук была основана в 1904 г. Ее первым президентом был Франк Гуднау, за ним последовали Джеймс Брайс, А. Лоренс Лоуэлл и Вудро Вильсон. Характеризуя это знаменательное событие, Бернард Крик — один из ранних историков политической науки в США — далеко не случайно подчеркивал: «Всех этих людей объединяла твердая вера в то, что политические исследования должны иметь прямое отношение к практической политике. Можно сказать, что никто из предыдущего поколения не стал бы это оспаривать. Но убеждение большинства основателей ассоциации заключалось в том, что систематическое понимание политики (как необходимой прелюдии к реформе) было подорвано чрезмерным обсуждением того, как они должны работать» [Crick, 1959, p. 101].

Шестьдесят лет спустя Д. Г. Ганнелл вновь обратился к этой проблеме, дополнив суждение Крика следующим важным комментарием: «Постоянно возникала проблема, как укрепить политическую науку, открыв для нее возможность получить доступ к авторитетным знаниям о политике, а также сделать ее социально приемлемой для таких кругов, как попечители университетов, и отделить ее, по крайней мере лингвистически, от опасных свойств ее предмета. После опыта других, пытавшихся создать академические факультеты, включающие

сознания». «Между 1875 и 1904 гг. американские университеты начали назначать профессоров политических наук. Они выбирали тех, кто прошел обучение в университетах Германии, Колумбийском университете или Университете Джона Хопкинса (где они учились у профессоров, получивших образование в Германии). Эти две американские школы до начала двадцатого века подготовили большую часть американских докторов философии в области политических наук. В первом доминировали Берджесс и его ученики, во втором — историк Герберт Бакстер Адамс и экономист Ричард Т. Или. История американской академической политической науки, конечно, начинается с Джона У. Берджесса, главной фигуры в трансформации американской политической науки. Он был в некотором смысле «переходной» фигурой и подвел своих последователей к рубежу новой академической дисциплины, никогда не переступая его сам. Он был ученым, через которого передавалось влияние немецкой академической политической науки, возможно, основное академическое влияние на новую дисциплину» [Mahoney, 2004, p. 3–4].

В работе «Американские политические идеи: 1865–1917 гг.» Чарльз Мерриам специально отмечал, что на университетском уровне «первое систематическое исследование политики было осуществлено Теодором Вулзи, чьи громоздкие тома “Политическая наука” и “Государство”, опубликованные в 1878 г., стали весомым вкладом в систематическую политическую науку. Однако эти исследования основывались на лекциях, прочитанных Вулзи в Йельском колледже с 1846 по 1871 г.» [Merriam, 2008a, p. 377]. Анна Хаддоу в своей книге «Политическая наука в американских колледжах и университетах: 1636–1900 гг.», в целом разделяя мнение Мерриама, вносит следующие важные уточнения: политическая наука как университетская дисциплина была впервые введена в 1872–1873 гг. в качестве факультатива для старшекурсников и имела название «Политическая наука — международное право Вулзи». «Шесть лет спустя неопределенная “политическая наука”, читавшаяся в первом семестре, превратилась в “политическую науку Вулзи”... В следующем учебном году (1883–84) “Философия истории и политической науки” преподавалась как субдисциплина на отделении философии» [Haddow, 1969, p. 182–183].

слова “политика” или “политический”, Вудро Вильсону потребовалось некоторое мужество, чтобы дать название “Политика” факультету в Принстоне. Но в то же время этот шаг отражал сохраняющееся стремление идентифицировать себя с объектом изучения, а также получить над ним власть — одновременный поиск идентичности и различия. Однако это не было типичной позицией. Американские ученые к последней четверти девятнадцатого века отказались от явных притязаний на моральный авторитет и в основном приняли стратегию, примером которой поколение спустя стали работы Вебера, а также позиция APSA» [Gunnell, 2011, p. 164].

Устойчивое представление, согласно которому основные контуры реформ университетского образования в Принстоне, инициированных В. Вильсоном, были достаточно четко обозначены уже в его ранних теоретических работах, никогда не вызывало сомнений в научном мире (см., напр.: [Throntveit, 2012, p. 224–225]). В своем знаменитом обзоре эволюции политической мысли в США во второй половине XIX — начале XX в. Чарльз Мерриам уделяет большое внимание сравнительному анализу ранних идей Вильсона (давая им очень высокую оценку) и более позднего этапа его научного творчества, предшествовавшего его победе на первых президентских выборах: «В 1885 г. появилась книга Вудро Вильсона “Правительство Конгресса”, эпохальное эссе в американской конституционной литературе. Эта работа была блестящей критикой неэффективности и хаоса системы, центральную роль в которой играл Конгресс, и призывом к более ответственному правительству. Он утверждал, что “в любой сделке — государственной или простой торговой — кому-то нужно доверять”. Власть и строгая ответственность за ее использование являются важнейшими составляющими хорошего правительства. Среди работ о политике, которые тогда выходили в свет, это эссе во многих отношениях, как по содержанию, так и по форме, было одним из самых замечательных. В 1889 г. Вильсон опубликовал том под названием “Государство”. Это было историческое и сравнительное исследование различных типов правления, основанное, как утверждает автор в предисловии, в основном на работе Марквардсена “Handbuch des Oeffentlichen Rechts der Gegenwart”. Через все главы [этого тома] проходит философия права и правительства, подчиненная, однако, изучению структуры и духа описываемых политических институтов. Его политические идеи получили дальнейшее выражение в работах “Старый мастер и другие политические очерки” (1893), “Просто литература” (1896), “Конституционное правительство в Соединенных Штатах” (1907) и “Новая свобода” (1913), а также в многочисленных речах и статьях. Главное значение его метода заключалось в той акцентировке, которая придавалось изучению политики, состоящей из живых фактов и сил — как институциональных, так и конституционных, скорее органических, чем механических. Он постоянно обращал внимание на жизнь и дух политических вещей, на реальную работу политических сил, на доминирующие процессы политической жизни. В такой манере он обсуждал деятельность политических партий, развитие конституции, органическую взаимосвязь различных частей правительства, важность и цель политической инициативы и лидерства в демократии. Он неоднократно обсуждал и всегда осуждал формальное, механиче-

ское в политике — “ньютоновскую” систему, как он ее называл. В “Государстве” он обсуждает цели управления, занимая золотую середину между индивидуализмом и социализмом. Индивидуализм носит в себе “много ненавистного, слишком ненавистного, чтобы это продолжалось долго”. Но средство против него заключается не в том, чтобы уничтожить конкуренцию, как настаивают социалисты. “Убивает не конкуренция, а недобросовестная конкуренция — обман и такая ее форма, где ее подлинная субстанция и правомерность не могут существовать”. Государство должно контролировать все объединения или монополии, которые отдают или сохраняют “необходимые средства промышленного или социального развития в руках немногих, но это не те немногие, которых выбирает само общество, а лишь немногие, избранные капризом судьбы”. За пределами естественных монополий государство также должно уравнивать конкурентные условия там, где человек не может эффективно действовать, как в случае детского труда, антисанитарных условий на производстве, вредного труда женщин, ограничения рабочего времени. Позднее в своей “Новой свободе”... он в определенной степени развил учение о том, что одной из главных целей государства является предотвращение вмешательства в честную конкуренцию, устранение препятствий, мешающих естественным стремлениям людей найти свое свободное выражение. Таким образом, представляется, что пороки индустриального мира будут устранены путем уничтожения промышленных привилегий искусственного характера, а пороки политического мира будут сведены к минимуму путем устранения всех механизмов и форм, препятствующих свободному выражению общественных настроений и свободной организации общественного волеизъявления. Этот принцип хорошо выражен в заключительном абзаце “Государства”: “Правило правительственного действия — необходимая кооперация; метод политического развития — консервативная адаптация» [Merriam, 2008a, p. 381–382] (ср.: [Merriam, 2008b, p. 317; Link, 1971, p. 27; Gunnell, 2004, p. 18 sq., 23]).

В первые годы своего пребывания на посту президента Принстонского университета Вильсону удалось реализовать свои планы по трем основным направлениям. Во-первых, он изменил учебную программу бакалавриата. Во-вторых, взяв за образец систему преподавания в Оксфорде и Кембридже, с которой он подробно ознакомился во время поездки в Англию, он учредил «наставническую систему» (“preceptorial system”): на должность преподавателей-наставников были приняты пятьдесят молодых ученых, основная функция которых заключалась в том, чтобы «быть посредниками между профессорскими лекциями и собственными интересами студентов», «пробудить в них академическое любопытство и обучить их академическому мышлению». В-третьих, «он установил президентскую прерогативу в отношении найма и увольнения преподавателей при условии лишь формального одобрения попечительского совета, чья способность оценивать академическую успеваемость была явно ограничена» [Thorsen, 2014, p. 183–184].

В результате уже к 1904 г. система обучения студентов в Принстоне стала рассматриваться в качестве определенного стандарта и распространяться во многих других университетах США. Главная ее особенность заключалась в том,

что вместо традиционной системы свободного выбора учащимися лекционных курсов (the free election system) в Принстоне в течение первых двух лет обучения в порядке альтернативы была введена базовая учебная программа, состоявшая из общеобразовательных предметов, за которой следовали дополнительные курсы по выбору, учитывающие различные направления специализации. В дополнение к этому инновационному учебному плану Вильсон также ввел в университете новую факультетскую систему (см.: [Startt, 2004, p. 25–26]).

В процессе реализации своих реформаторских планов Вильсон, стремясь превратить Принстон в лучший университет страны, выдвинул для этой цели ряд других структурных и административных предложений: были значительно повышены вступительные требования, академические стандарты и поведение учащихся улучшились, к преподаванию привлекались выдающиеся ученые. Поднимая уровень преподавания гуманитарных наук, он не забывал и о естественных науках: соответствующие факультеты были модернизированы, были построены новые лабораторные корпуса [Startt, 2004, p. 26].

К концу 1906 г. Вильсон решил осуществить еще одну крупную реформу, предложив свой известный план (Quad Plan) кардинальной реорганизации университетской жизни вообще и системы проживания студентов в частности. В Принстоне традиционно существовали элитарные «клубы еды» (eating clubs), в которые имели право доступа только студенты младших и старших курсов. Расположенные в роскошных зданиях вдоль главной городской улицы, они объединяли две трети и более студентов. Конкуренция за избрание в эти клубы могла разрушить дружеские отношения, и некоторые студенты, не сумев победить на выборах, покидали университет. Вильсон считал, что клубы создают антиинтеллектуальную среду и препятствуют социальной координации студенческой жизни, которую он пытался усилить. Его план предполагал превращение существующих клубов в студенческие общежития путем перестройки старых зданий. Он не считал этот план демократическим по своей природе и с самого начала настаивал на том, что его предложение было чисто академическим и задача состояла исключительно в «реорганизации и возрождении Университета как академического организма, чьи цели были в первую очередь не социальными, а интеллектуальными» [Startt, 2004, p. 27–28]. «Совершенно понятно, — отмечает Н. А. Торсен, — что Вильсон не рисовал в своем воображении некую систему массового образования. Вместо этого он утверждал, что университет следует рассматривать как такой образцовый пример формы сообщества, которая, даже находясь в самом центре современного общества, способна сохранять свои отличительные черты. Он видел в университете полное воплощение национальной доброй воли, которую его выпускники изначально несут во все сферы общественной и политической жизни, умиротворяя национальные социальные конфликты, смягчая резкие черты соперничества, лелея общую мораль, которая могла бы связать людей вместе на основе общественных интересов и национальных обязательств... Перед своим назначением на пост президента университета Вильсон в частном порядке заметил, что “высшее образование следует сделать союзником государства”. Лучшим примером был Берлинский университет, который был основан Вильгельмом фон Гумбольдтом и бароном

фон Штейном и который Вильсон рассматривал как модель полезного взаимодействия между правительством и высшим образованием» [Thorsen, 2014, p. 186, 185] (см. также: [Ross, 1991, p. 175, 278]; ср.: [Seidelman, 2015, p. 40–41, 51 sq.; Pestritto, 2005, p. 7–10; Link, 1956, p. 241]).

Препятствия возникли уже с момента объявления плана. Посыпались сотни и тысячи протестов со стороны студентов. Вильсон изначально допустил крупный просчет: он не проконсультировался с факультетами, прежде чем представить свой план попечителям; столкнувшись с сопротивлением со стороны и преподавателей, и попечителей, он занял бескомпромиссную позицию. Отзыв попечительской коллегией первоначального согласия на реализацию плана стал для него сокрушительным ударом, однако он решил продолжать свои усилия и заручиться поддержкой выпускников, выступая на различных встречах и одновременно пытаясь «смягчить» попечителей [Startt, 2004, p. 28–29]. В итоге Вильсону пришлось осознать, что его план полностью рухнул и противники одержали над ним решительную победу: «Они сражаются со мной из-за привилегий, а привилегии никогда не уступают» [Startt, 2004, p. 29]. Кроме всего прочего, для реализации плана требовалось более трех миллионов долларов, но не нашлось ни одного спонсора, который мог бы сделать такой вклад. В частных письмах он признавался, что потерпел поражение, «потому что деньги говорили громче, чем я» [Thompson, 2002, p. 52].

По мнению Д. М. Купера, «еще одна крупная общественная проблема также время от времени и в долгосрочной перспективе пагубно вторгалась в президентство Вильсона в Принстоне. Это была расовая проблема. Несмотря на свое южное происхождение и воспитание, он придерживался расовых взглядов, которые гораздо больше напоминали взгляды большинства белых северян того времени [Cooper, 2012, p. 175]. «В отличие от большинства старых, социально престижных колледжей и университетов страны, Принстон не принимал афроамериканцев. Через два года после своего президентства Вильсон отклонил запрос от чернокожего абитуриента, заявив, что никакие правила не запрещают таких заявлений, но “весь характер и традиции этого места таковы, что ни один негр никогда не подавал заявление о приеме, и... кажется крайне маловероятным, что этот вопрос когда-либо примет практическую форму”. Время не смягчило эту точку зрения. Спустя три года он вновь отклонил еще одно заявление от афроамериканца, который стремился стать священником, поручив своему секретарю написать: “С сожалением должен сказать, что цветному человеку совершенно не рекомендуется поступать в Принстон. Ценю его желание сделать это, но настоятельно рекомендую ему получить образование в южном [негритянском] учебном заведении, возможно, завершив его курсом в Принстонской теолог[ической] сем[нарии], которая находится под совершенно иным, независимым от унив[ерситета], контролем”» [Cooper, 2012, p. 175].

Разочарование в «малой» принстонской политике стимулировало стремление компенсировать неудачи, обратившись к «большой» политике, которая в конечном итоге также окончилась большим провалом. Конфликт Вильсона с сенаторами-республиканцами в 1919 г., вызванный категорическим отказом президента обсуждать вместе с ними условия Версальского договора, в не-

которых чертах воспроизводил конфликтную ситуацию десятилетней давности в Принстоне: вильсоновский план послевоенного устройства был забаллотирован сенатским большинством точно таким же образом, как университетский совет попечителей дезавуировал президентский план переоборудования городских зданий под студенческие общежития.

Тем не менее именно Принстонский университет оказался своеобразной «стартовой площадкой», с которой Вильсон отправился в большую политику. Его административная деятельность на посту президента Принстона сделала его фигурой национального масштаба и сыграла решающую роль в его дальнейшей стремительной политической карьере. Этому во многом способствовала активная популяризация Вильсоном своей университетской политики «в большом количестве блестящих и зачастую остроумных речей и статей об академической реформе, которые породили столько национальных новостей и серьезного переосмысления в других университетских городках, что это изумило и в конце концов встревожило его самого» [Axtel, 2012b, p.9]. Джон Томпсон, автор содержательной биографии Вильсона, был совершенно прав в своих выводах относительно «позитивного сальдо» его университетской карьеры: «Если бы Вильсон оставался просто профессором, преподавал и писал, он почти наверняка никогда не занялся бы политикой. Однако в июне 1902 г. в возрасте сорока пяти лет он стал президентом Принстонского университета. Эта должность дала Вильсону общественное положение и известность, которыми он пользовался, чтобы время от времени выступать с заявлениями о национальной политике, и в некоторых из них он выступал как общепризнанный член Демократической партии. Такие обращения, наряду с динамичной и громкой манерой, в которой он руководил университетом, дали повод уже в 1906 г. упомянуть о нем как о возможном кандидате в президенты США» [Thompson, 2002, p. 43].

Еще в начале 1906 г. полковник Джордж Харви, редактор престижного журнала “Harper’s Weekly”, начал продвигать идею о том, что демократы должны выдвинуть Вильсона на пост президента Соединенных Штатов. В 1908 г. его имя упоминалось в связи с выдвижением кандидатур как в президенты, так и в вице-президенты. Путь на политическую арену, очевидно, пролегал через Демократическую партию в Нью-Джерси, с ведущей фигурой которой — бывшим сенатором Джеймсом Смитом — у Харви были хорошие отношения. В начале 1910 г. Харви убедил Вильсона позволить выдвинуть себя кандидатом в губернаторы [Thompson, 2002, p. 50–51]. В 1910 г. он был избран губернатором штата Нью-Джерси от Демократической партии, а в 1912 г. стал первым президентом-южанином от той же партии, избранным на высший пост через полвека после окончания Гражданской войны.

Многие современные аналитики также подчеркивают, что именно руководство университетом привило Вильсону вкус к практической политике: «Это был особый вид политики — академическая политика, — но он считал, что она хорошо подготовила его к “настоящему делу”. Он неоднократно отмечал различия между двумя видами политики. Когда он баллотировался в президенты в 1912 г., он заметил, что “обыкновенные политики... разыгрывают свои карты

довольно открыто», тогда как «политик из колледжа делает это осторожно. Он играет очень ловко, и у него такой дар речи, что он может заставить черное звучать так, как если бы оно было белым, в любой момент, когда он этого пожелает» [Cooper, 2012, p. 181]. В статье Т. Тронтвейта «Высшее образование Вудро Вильсона: политика как социальное исследование» встречается очень удачная характеристика непосредственного влияния этических принципов «университетской политологии» на разработку американским президентом программы реформ: «Разработка Вильсоном своей политической программы отражала его политику высшего образования настолько, насколько это совпадало с его политическими целями. Во время кампании 1912 г. Вильсон сформулировал тип скоординированной, но антиидеологической повестки дня, которую он превозносил со времен «Правительства Конгресса», рассматривая каждый вопрос в рамках его собственной специфики и разрабатывая политику с практической, а не строго идеологической последовательностью» [Throntveit, 2012, p. 224–225].

Еще в начале 1970-х годов Артур Станли Линк стал разрабатывать гипотезу о глубоком внутреннем единстве «трех отдельных профессиональных призваний», характерных для вильсоновской политики: «Действительно, у президента Вильсона было три разные публичные карьеры: президента университета и общественного деятеля в области образования, национального лидера, занимавшегося почти исключительно проблемами политической и экономической реорганизации в Соединенных Штатах, и, наконец, государственного деятеля мирового масштаба, который пытался возглавить движение за реконструкцию международного сообщества. Он внес большой и, казалось бы, различный вклад в каждую область. И все же мы должны попытаться рассмотреть его карьеру и труды как единое целое, поскольку он был в основном одним и тем же человеком во всем. Его «предельный реализм» был не меньшей силой в его руководстве дома, чем за границей. Данное свойство поразительно проявилось в первых вкладах, которые он сделал как общественный лидер, как президент Принстонского университета с 1902 по 1910 г. Во-первых, то, что он делал и пытался сделать для Принстона: введение систематического и осмысленного курса обучения в бакалавриате и его решительный отказ от хаотической системы, основанной на свободном выборе; введение им в дополнение к системе лекций метода работы с наставниками, или дискуссионного метода; и его предложение о реорганизации общественной жизни студентов в целях улучшения интеллектуального климата в университете. При помощи этих планов и руководствуясь собственным вдохновением он не только преобразовал Принстон, но и помог преобразовать высшее образование в Соединенных Штатах» [Link, 1971, p. 131].

Тем не менее перед исследователями политических идей и практической политики В. Вильсона постоянно встает следующий вопрос: насколько плодотворным оказалось свойственное ему столь своеобразное сочетание университетской политики и политики реальной и какое воздействие оно оказывало на политические процессы и систему высшего образования в США? О «персональном факторе» говорить не приходится, поскольку хорошо известно, что сам

Вильсон крайне болезненно воспринимал и свои неудачи в Принстоне, и обозначенный выше провал его собственной послевоенной внешнеполитической стратегии. 2 октября 1919 г. он перенес серьезный инсульт; тяжелое состояние здоровья на долгие месяцы сделало его неспособным руководить страной, а в дальнейшем стало одной из главных причин, по которым руководство Демократической партии отказалось выдвинуть его кандидатуру на президентских выборах 1920 г.

Президентское правление Вудро Вильсона было ознаменовано не только участием Америки в Первой мировой войне, но и многочисленными вооруженными интервенциями США в других странах. Эти действия, охватывающие весь земной шар, включали многолетнюю оккупацию Гаити и Доминиканской Республики, пограничную войну с Мексикой, использование морской пехоты для охраны американских граждан во время беспорядков в китайских городах и, наконец, вооруженную интервенцию в охваченную революцией Россию. «В вильсоновский период, — отмечает Дж.А.Хофф, — страна начала азартно разыгрывать “сделки с дьяволом”, чтобы поддерживать расширяющийся список глобальных целей. Подобно Фаусту у Иоганна Вольфганга фон Гёте, который упивался юностью, безграничными знаниями и богатством, временно дарованными ему Мефистофелем, Соединенные Штаты упивались своим быстрым подъемом процветания и могущества в течение Американского Века. Точно так же, как Фауст игнорировал отвратительность и жестокость своей связи с Маргаритой, американские президенты от Вудро Вильсона до Джорджа Буша-младшего закрывали глаза на часто заключаемые ими грязные дипломатические сделки, поскольку это подорвало бы их собственную веру и веру страны в американскую добродетель и исключительность» [Hoff, 2008, p. 2] (см. также: [Ninkovich, 1999, passim]).

Характеризуя эту политику, Мартин Уайт, один из наиболее выдающихся представителей британской школы международных отношений в XX в., весьма сдержанно оценивал ее интеллектуальную составляющую. «Политическая философия международных отношений, — отмечал Уайт, — это совершенно осмысленная, сформулированная теория, примеры которой вы можете найти у некоторых государственных деятелей — Вильсона, вероятно, Черчилля, возможно, Неру; она, возможно, находит выражение у таких серьезных мыслителей, как, например, Кант или Кеннан, Макиавелли или Моргентау. Различия между мыслью, теорией и философией заключаются отчасти в точности, с которой они сформулированы, и отчасти в степени их глубины» [Wight, 2022, p. 39] (см. также: [Wight, 1992, p. 15, 17, 46, 263]). Таким образом, причислив Вильсона к государственным деятелям, способным «формулировать теорию», и одновременно исключив его из рядов «серьезных мыслителей», М. Уайт, идя вразрез с обозначенными выше высокими оценками политических идей Вильсона Ч. Мерриамом и многими другими учеными, фиксирует некое «переходное состояние» его интеллекта, перемещая последний в виртуальное пространство между политической философией и практической политикой, в котором находятся исторические фигуры, относящиеся, согласно классификации Карла Леонхарда к типу «застревающих личностей» (см.: [Leonhard, 1976]).

По мнению некоторых специалистов, Вильсон и его «университетская политология» в определенной степени стимулировали это состояние практически во всех политических сферах. Например, М. Р. Немек в своей работе «Неоцененное наследие: Вильсон, Принстон и идеал американского государства» прямо утверждает: «В самом широком контексте наследие Вильсона отражает то, что можно было бы назвать переходной теорией американского политического развития. Университеты были необходимы для политического участия и деятельности. Наибольшее влияние на вероятность и характер участия в избирательном процессе оказывает уровень образования... Слова и действия Вильсона в значительной степени способствовали этой конструкции. В своих речах Вильсон развивал концепцию управления, которое зависит от способности университетов образовывать и повышать качество последнего» [Nemes, 2012, p. 189].

***

Как известно, в Древнем Риме любой гражданин, навлекший позор на государство, мог подвергнуться наказанию, которое считалось хуже смерти: *damnatio memoriae* — приговор, отнимающий память. Согласно постановлению римского сената, из города удалялись все следы существования гражданина, как если бы его никогда не было (см.: [Bradley, 2019]). Сегодня можно с полной уверенностью утверждать, что *damnatio memoriae* самому Вудро Вильсону и его образовательному наследию, конечно, не грозит. Главное его детище — Принстонский университет — по-прежнему является одним из крупнейших американских учебных и научных центров, входит в знаменитую «Лигу плюща». «Я утверждаю, — пишет Джон Акстел, — что Вильсон не только привел Принстон через крупные реформы к полному статусу университета, но также побудил президентов Гарвардского и Йельского университетов к сопротивлению современным тенденциям к профессионализации, масштабности и узкоспециализированным научно-техническим исследованиям... Он был архитектором философии образования Принстона. Она состоит в отменном качестве, скромных размерах и согласованности учебных программ, ограничении профессионализации образования и социально-академической координации... Принстон как прежде, так и в наши дни является образцом великого, но нетипичного американского исследовательского университета» [Axtel, 2012a, p. 3].

В области истории и философии образования Вудро Вильсон также занимает одно из наиболее почетных мест, прежде всего потому, что философия университета, разработанная в его многочисленных трудах, логически продолжая идеи Джона Генри Ньюмана, одновременно вызывает ассоциации с концепцией «мыслящего университета», по-разному представленной в трудах Майкла Оукшотта и Кеннета Миноуга, Ярослава Пеликана и Абрахама Флекснера. Эту философию вряд ли можно совместить с социологической конструкцией «мультиверситета» Кларка Керра, но она, безусловно, присутствует, например, в следующих рассуждениях ректора Калифорнийского университета: «Флекснер думал об университете как об “организме”. В организме части и целое неразрывно связаны друг с другом. Не так обстоит дело с мультивселенной —

многие части могут быть добавлены и извлечены без особого влияния на целое или даже без особого внимания или кровопролития... Это также система управления, подобная полису или городу-государству: городу-государству мульти-вселенной. Последняя может быть нестабильной, но ею нужно управлять — не как гильдией, которой она когда-то была, а как сложной организацией с сильно раздробленной властью. На эту власть претендуют несколько конкурентов» [Kerr, 2001, p. 14].

На протяжении десятилетий Вильсон, как и многие другие американские теоретики образования стремились разработать эффективную модель национального университетского образования, преодолев дихотомию — *университет Вильгельма фон Гумбольдта против «Оксбриджа»*². Сделать это в конечном итоге не удалось в силу исторической логики эволюции западной модели образования на рубеже XIX–XX вв. «Как ни сокрушался Вильсон по поводу “денационализации” современного университета, силы, способствующие этой денационализации, сами (по иронии судьбы) были национализированы в форме немецкого университета, который, по оценке Вильсона, представлял собой особое — и особенно разрушительное — направление прикладной науки и специализированной исследовательской работы, которые, по существу, ставили под угрозу “духовное” качество, которое он хотел сохранить в американских колледжах» [Nelson, 2012, p. 52](ср.: [Farr, 2003, p. 307]).

И все же, хотя *Оксбридж* постоянно рассматривался как противовес гумбольдтовской концепции университета, бурное развитие промышленности и экспансионизм на международной арене (который Вильсон принял как «данность», находясь на президентском посту) стимулировали в сфере университетской политики и образования те же тенденции, что и в Германии накануне Первой мировой войны. Даже если признать, что «национализация» американского университета происходила на основе синтеза немецкой и британской моделей, развивавшиеся в США в начале XX в. элементы новой версии «исследовательского мультиверситета» (включая ее бюрократическую составляющую) в конечном итоге способствовали превращению последней в универсальный интернациональный образец для многих европейских стран.

Как это ни странно, но Вильсон не смог или просто не желал заметить тех тенденций, на которые в начале XX в. немедленно обратил внимание Макс Вебер. Незадолго до завершения Первой мировой войны великий немецкий социолог в своей знаменитой «Речи о социализме» (1918), прочитанной им в Вене для офицеров генерального штаба австрийской армии, дал замечательную во многих отношениях оценку основных тенденций эволюции американской системы высшего образования. Во время своего визита в США осенью 1904 г. (т. е.

---

² «Таинственность Оксфорда и Кембриджа (условно объединенных в “Оксбридж”) интриговала поколения американцев... Наряду с победами тех, кто отстаивал “английскую” модель, преподавательскую жизнь преобразовывали те, кто апеллировал к “немецкому” подходу. Национальные академические профессии были структурированы национальными дисциплинарными организациями и отделениями кампуса. Исследования стали разменной монетой профессионального престижа и количество программ для выпускников росло» [Bruce, 2012, p. 98, 115].

как раз тот период, когда В. Вильсон только инициировал свой план реформы системы образования в Принстонском университете!) Вебер получил возможность детально ознакомиться не только с системой преподавания общественных наук в крупнейших американских университетах, но и со специфическими особенностями студенческого менталитета, в частности с быстрым распространением милитаристского духа в университетских кампусах. В частности, он отмечал: «Но вместе с тем университет в Америке также начал играть совершенно иную роль и дух университетского образования изменился фундаментально. Ведь инициаторами войны (и это не всегда оценивается за пределами Америки) были не те поджигатели войны, которые существуют в любой стране, но американские университеты и сформированный ими слой. Во время моего тамошнего пребывания в 1904 г. американские студенты чаще других задавали мне вопрос — как устраивают дуэли в Германии и что ощущают люди, получившие на дуэли шрамы. Они считали дуэль рыцарским институтом и желали завести этот вид спорта также и у себя... Для Америки эта война будет означать эволюцию бюрократии и вместе с ней возможности для продвижения вперед университетских кругов (они составляют, конечно, также и ее основу), короче, результатом такой эволюции будет европеизация Америки, по крайней мере, в той же самой степени, в какой люди говорят об американизации Европы. Повсюду в крупных государствах современная демократия становится бюрократизированной демократией» [Вебер, 1999, с. 22–23].

Клаус Оффе в своей работе «Размышления об Америке: Токвиль, Вебер и Адорно в США», комментируя диагноз, поставленный Вебером американским университетам, на наш взгляд, совершенно справедливо утверждал: «Вебер хочет сказать: плутократия или бюрократия — *tertium non datur* (ведь дилетантское самоуправление нотаблей с их “суетным тщеславием”, которое Вебер резко осуждал, менее всего может стать альтернативой). “Демократия предлагает только один выбор: она может или управляться дешево богатыми людьми, окруженными всеобщим почетом, или дорого оплачиваемыми чиновниками”. Бюрократизация в государстве и академической сфере необходима в той мере, в какой университеты все больше становятся крупными предприятиями, в основном из-за потребности государства в профессионально подготовленных чиновниках и функционерах. В своей лекции “Наука как призвание и профессия” Вебер также хочет сказать: лучше последнее, в том числе — бюрократия. Его взгляд на американскую университетскую жизнь исключительно позитивен: “Немецкая университетская жизнь американизируется” — и это только ей на пользу!» [Öffe, 2005, p. 65].

Разумеется, «заочная полемика» Вебера с Вильсоном в конечном итоге не может нивелировать инновационный характер многих аспектов философии образования последнего. Как весьма точно заметил Дейвид Риччи, «говоря о Храме Науки, Аристотель имел в виду, что политика образовывает верхнее покрытие Храма и в некотором смысле она является главной наукой над всеми меньшими сферами знания, которые можно найти среди храмовых колонн. Эта концепция политики всегда пользовалась некоторой поддержкой в сообществе ученых-политологов. Например, Вудро Вильсон, выступая в качестве прези-

дента APSA, заявил: "...все из того, что формирует или влияет на человеческую жизнь, не кажется мне непосредственно чуждым тому, кто изучает политику"» [Ricci, 1984, p. 213].

Идеи и политика Вильсона в области университетского образования продолжают активно влиять на современные теоретические дискуссии, их «стимулирующий эффект» — непосредственное свидетельство того, что они по-своему выдержали проверку временем, в том числе и потому, что они были далеко не умозрительными и никогда не теряли связи ни с мировой исторической традицией, ни с реальным миром политики. Именно в этом состоит их непреходящая ценность.

Литература/References

Adcock R. *Liberalism and the Emergence of American Political Science: A Transatlantic Tale*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. 300 p.

Axtel J. Introduction. *The Educational Legacy of Woodrow Wilson: From College to Nation*, ed. by J. Axtell. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2012a, pp. 1–8.

Axtel J. The Educational Vision of Woodrow Wilson. In: *The Educational Legacy of Woodrow Wilson: From College to Nation*, ed. by J. Axtell. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2012b, pp. 9–48.

Bradley A. *Unbearable Life: A Genealogy of Political Erasure*. New York: Columbia University Press, 2019. 270 p.

Bruce L.W. Dreaming Spires in New Jersey: Anglophilia in Wilson's Princeton. In: *The Educational Legacy of Woodrow Wilson: From College to Nation*, ed. by J. Axtell. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2012, pp. 97–121.

Cooper J. M. Jr. *Woodrow Wilson: A Biography*. New York: Alfred A. Knopf, 2009. 702 p.

Cooper J. M. Jr. Politics and Wilson's Academic Career. In: *The Educational Legacy of Woodrow Wilson: From College to Nation*, ed. by J. Axtell. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2012, pp. 169–184.

Crick B. *The American Science of Politics: Its Origins and Conditions*. London: Routledge, 1959. 252 p.

Farr J. Political Science. In: *The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences*, ed. by T. M. Porter, D. Ross. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp. 306–328.

Gaines A. *Woodrow Wilson*. Philadelphia: Chelsea House Publishers, 2004. 100 p.

Geiger R. L. *To Advance Knowledge: The Growth of American Research Universities, 1900–1940*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1986. 325 p.

Geiger R. L. *The History of American Higher Education: Learning and Culture from the Founding to World War II*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2015. 564 p.

Gunnell J. G. *The Orders of Discours*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998. 252 p.

Gunnell J. G. *Imagining the American Polity: Political Science and the Discourse of Democracy*. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 2004. 289 p.

Gunnell J. G. *Political Theory and Social Science: Cutting Against the Grain*. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 190 p.

Haddow A. *Political Science in American Colleges and Universities, 1636–1900*. New York: Octagon Books, 1969. 308 p.

Hoff J. *A Faustian Foreign Policy from Woodrow Wilson to George W. Bush: Dreams of Perfectibility*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008. 308 p.

Hugh-Jones E. M. *Woodrow Wilson and American Liberalism*. New York: Collier Books, 1962. 295 p.

- Kerr C. *The Great Transformation in Higher Education, 1960–1980*. Albany: State University of New York Press, 1991. 383 p.
- Kerr C. *The Uses of the University. Fifth Edition*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2001. 261 p.
- Leonhard K. *Akzentuierte Persönlichkeiten. Zweite Auflage*. Berlin: Fischer, 1976. 328 S.
- Link A. S. *Woodrow Wilson: The New Freedom*. Princeton: Princeton University Press, 1956. 532 p.
- Link A. S. *The Higher Realism of Woodrow Wilson, and Other Essays*. Nashville: Vanderbilt University Press, 1971. 424 p.
- Mahoney D. J. *Politics and Progress: The Emergence of American Political Science*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Lexington Books, 2004. 167 p.
- Marini J., Masugi K. Introduction. In: *The Progressive Revolution in Politics and Political Science: Transforming the American Regime*, ed. by J. Marini, K. Masugi. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2005, pp. 7–14.
- McDonald F. *The United States in the Twentieth Century. Vol. 1. 1900–1920*. Reading, Massachusetts; Menlo Park, California: Addison-Wesley Publishing Company, 1970. 390 p.
- Merriam Ch. *American Political Ideas, 1865–1917*. London; New York: Routledge, 2008a. 481 p.
- Merriam Ch. E. *A History of American Political Theories*. London; New York: Routledge, 2008b. 364 p.
- Nelson A. R. Woodrow Wilson on Liberal Education for Statesmanship, 1890 –1910. In: *The Educational Legacy of Woodrow Wilson: From College to Nation*, ed. by J. Axtell. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2012, pp. 49–73.
- Nemec M. R. The Unappreciated Legacy: Wilson, Princeton, and the Ideal of the American State. In: *The Educational Legacy of Woodrow Wilson: From College to Nation*, ed. by J. Axtell. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2012, pp. 185–206.
- Ninkovich F. *The Wilsonian Century: U.S. Foreign Policy since 1900*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1999. 320 p.
- Öffe C. *Reflections on America: Tocqueville, Weber and Adorno in the United States*. Cambridge: Polity, 2005. 140 p.
- Pestritto R. J. *Woodrow Wilson and the Roots of Modern Liberalism*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2005. 279 p.
- Pestritto R. J. *America Transformed: The Rise and Legacy of American Progressivism*. New York; London: Encounter Books, 2021. 296 p.
- Pestritto R. J., Atto W. J. Introduction to American Progressivism. In: *American Progressivism: A Reader*, ed. and introduced by R. J. Pestritto, W. J. Atto. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, UK: Lexington Books, 2008, pp. 1–34.
- Ricci D. M. *The Tragedy of Political Science: Politics, Scholarship, and Democracy*. New Haven; London: Yale University Press, 1984. 335 p.
- Ross D. *The Origins of American Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 508 p.
- Seidelman R. *Disenchanted Realists: Political Science and the American Crisis*, 2nd ed., with the Assistance of E. J. Harpham, Afterword by J. Farr. Albany: State University of New York Press, 2015. 318 p.
- Startt J. D. *Woodrow Wilson and Press: Prelude to the Presidency*. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 315 p.
- Thompson J. A. *Woodrow Wilson*. London: Longman, 2002. 265 p.
- Thorsen N. A. *The Political Thought of Woodrow Wilson, 1875–1910*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014. 272 p.
- Throntveit T. The Higher Education of Woodrow Wilson: Politics as Social Inquiry. In: *The Educational Legacy of Woodrow Wilson: From College to Nation*, ed. by J. Axtell. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2012. P. 207–243.
- Weber M. Socialism. Speech for general information of Austrian officers in Vienna (1918), transl. from German by V. A. Gutorov. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1999, vol. II, no. 3, pp. 18–42. (In Russian)

Wight M. *International Theory: The Three Traditions*. New York: Holmes & Meier, 1992. 286 p.
Wight M. *International Relations and Political Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2022.

362 p.

Гуторов Владимир Александрович — д-р филос. наук, проф.; gut-50@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 5 апреля 2023 г.;

рекомендована к печати: 15 июня 2023 г.

Для цитирования: Гуторов В. А. Политология Вудро Вильсона в контексте эволюции американских университетов: аналитика современных дискуссий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 3. С. 362–382. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.301>

THE POLITOLOGY OF WOODROW WILSON IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF AMERICAN UNIVERSITIES: AN ANALYSIS OF CONTEMPORARY DISCUSSIONS*

Vladimir A. Gutorov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; gut-50@mail.ru

Thomas Woodrow Wilson, the 28th President of the United States, who served in this post from 1913 to 1921, is widely known primarily as great political leader who played one of the main roles in shaping the new, extremely conflictual international order that arose after the First World War. In modern historiography, for example, Wilson's post-war foreign policy, associated with attempts to implement his famous Fourteen Points, the creation of the League of Nations, and many others, is studied in detail. Against the background of the dramatic collisions of post-war world politics, the fact, well known only to "narrow specialists", that Wilson was one of the most influential political scientists, historians and theorists of university education of his time, remains in the shadows. His influence is still constantly felt in modern concepts of reforms in American higher education. The administrative activity of W. Wilson took place at the final stage of the process, the result of which was a radical transformation of higher education in the United States. The stable notion that the main contours of the reforms of university education at Princeton, initiated by W. Wilson, were quite clearly outlined already in his theoretical works, has never been in doubt in the scientific world. At the heart of Wilson's reforms was the idea that the university should be seen as such an exemplary example of a form of community that, even at the very center of modern society, is able to retain its distinctive features. Wilson's ideas and policies in the field of university education continue to actively influence modern theoretical discussions, their "stimulating effect" is direct evidence that they have stood the test of time in their own way, also because they were far from speculative and never lost connections neither with the world historical tradition, nor with the real world of politics.

Keywords: Woodrow Wilson, university, education, state, politics, reform, political theory, democracy, bureaucracy, government.

Received: April 5, 2023

Accepted: June 15, 2023

For citation: Gutorov V. A. The politology of Woodrow Wilson in the context of the evolution of American universities: An analysis of contemporary discussions. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 3, pp. 362–382. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.201> (In Russian)

---

* The research was supported by the grant from the Russian Science Foundation no. 23-28-01601, <https://rscf.ru/project/23-28-01601/>.